

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ-АНТИКОВЕДОВ

(Археологическая конференция в Киеве, апрель 1975 г.)

В апреле 1975 г. в Киеве проходила традиционная сессия советских археологов. Она была посвящена 250-летию Академии наук СССР. Среди многочисленных областей археологии (каменный, бронзовый и раннежелезный века, славяно-русская археология) видное место на сессии занимало антиковедение. Археологи-античники познакомили участников конференции с новейшими достижениями в своей отрасли — преимущественно с новыми полевыми открытиями, но также и с успехами в изучении отдельных категорий археологических и эпиграфических источников, сведений древних авторов, с итогами разработки некоторых теоретико-методических вопросов. О представительности археологов-антиковедов на сессии говорит тот факт, что ими было прочитано более 30 докладов. Поскольку большинство докладов было посвящено северопонтийской тематике, обзор их удобнее всего вести по обычному принципу перипла Черного моря.

Раскопкам римской цитадели в Тире, ведущимся с 1969 г., было посвящено сообщение *И. Б. Клеймана*. За несколько сезонов работ было выяснено, что оборонительное сооружение имело в плане трапециевидную форму, ограниченную куртинами и башнями (одна из которых круглая). Восточная часть цитадели не сохранилась, однако по ряду косвенных данных автор раскопок восстанавливает ее примерную обшук площадь: 0,6—1 га. Принадлежность сооружения вексилляциям римских легионов, стоявших в Тире, определяется разнообразными находками: черепицей с клеймами нижнемецких легионов, римскими монетами, оружием, фибулами и др. Большое значение внутри периболы черепичную кровлю, произведенную руками солдат Первого италийского легиона. Совокупность находок дает датировку цитадели II—III вв. н. э., что совпадает с данными письменных источников об оккупации Причерноморья римлянами. Докладчик отметил близость топографии римских укреплений Тиры и Херсонеса; сопоставление примерно равных площадей обоих фортификационных сооружений позволило ему сделать убедительный вывод о той важной роли, которую играла Тира в системе римских укреплений на Понте.

Одним из центральных докладов на античной секции конференции было совместное выступление руководителей экспедиции ЛОИА АН СССР *Е. И. Леви* и экспедиции ИА АН УССР *С. Д. Крыжицкого*, в течение многих лет ведущих раскопки милетской колонии Ольвии. Доклад наглядно показал, к каким важным результатам можно прийти при планомерном и систематическом изучении большого греческого полиса и его хоры, координируя действия двух раскопочных коллективов. Одна из важнейших на сегодняшний день задач — исследование архаических и раннеклассических слоев города, которое ведется на трех участках. На участке E_3 к северо-западу от агоры и к западу от здания дикастерия открыто два монументальных здания типа мегарона

общественного назначения, с которыми, по-видимому, был связан комплекс ям, давших интересные архаические материалы. На участке АГД в районе Зевсова кургана открыто полтора десятка полуземлянок VI — начала V в., частично ориентированных вдоль главной улицы, что свидетельствует о планомерной застройке города уже в столь раннее время. И наконец, очень интересные результаты были получены на участке Е_{центр} при раскрытии северной части незастроенной площади агоры. Выяснилось, что этот участок был перекрыт вымосткой только в начале V в. До этого он входил в территорию теменоса, составляя, очевидно, его южную границу, что вполне подтвердило предположение А. Н. Карасева, высказанное задолго до раскопок. На этом месте был обнаружен целый комплекс архаических культовых углублений (ботросов), содержащих богатый культовый материал, среди которого выделяются 15 новых посвящений Аполлону Дельфинию, вырезанных на чернолаковых и расписных киликах, а также фрагменты мелкофигурного килика с сигнатурой мастера Сакоида.

Параллельно с архаическими продолжалось систематическое изучение эллинистических сооружений города, сосредоточенных в западных кварталах агоры. Стратиграфические наблюдения позволили прийти к выводу, что часть площади в этом районе города в V и даже в IV в. не была застроена, поскольку сооружения последующей эпохи стоят прямо на полевке. В течение многих сезонов работ на этом участке раскрыто два здания общественного и торгового назначения и 13 жилых комплексов, среди них три ордерных. На юге агоры закончено раскрытие городского гимнасия; в одном из помещений его найдено уникальное для Верхнего города сооружение — монументальный колодец, расчищенный в настоящий момент вглубь на 15 м (общая глубина его составит 30—35 м). Колодец, сооруженный в V в. до н. э., на протяжении трех столетий снабжал водой сложные гидротехнические сооружения — резервуары для подогрева воды. От одного из таких резервуаров отходил водопровод из керамических труб, прослеженный на протяжении 33 м. Кроме наземной в последние годы исследовалась и затопленная часть Ольвии; в результате получена стратиграфия этого участка и обнаружены зоны скопления амфорной тары, предположительно портовые склады.

Не прекращаются планомерные раскопки территории ольвийского некрополя, результаты которых были освещены в докладе Ю. И. Козуб. Самым выдающимся открытием последних лет на этом участке было обнаружение жилого предместья или посада Ольвии, существовавшего во второй половине VI—V в. до н. э. Тип жилых сооружений полуземлянки, с относящимися к ним хозяйственными ямами, погребями, цистерной и т. п. Среди жилых комплексов обнаружено святилище хтонических божеств. Геродот (IV, 78) сообщает, что скифский царь Скил, когда приходил в Ольвию, оставлял свою дружину за стенами в предградии (*εν τῷ προαστείῳ*). Теперь работами Ю. И. Козуб отвергнуты всякие сомнения (высказанные еще В. В. Латышевым) в существовании ольвийского заселенного посада и липиний раз подтверждена достоверность сведений «отца истории» об Ольвии.

Настоящей сенсацией явилось открытие в 1974 г. на территории предместья коллективного захоронения: свыше 50 человек были сброшены в беспорядке в огромную круглую яму, на руках и ногах двух костяков сохранились железные кандалы; вместе с человеческими лежало два скелета собак. Сопровождающий инвентарь позволяет датировать захоронение третьей четвертью IV в. до н. э. Руководитель раскопок склонен связывать разыгравшуюся трагедию с какими-то политическими или военными событиями в жизни города.

В последние годы все более широкий размах получает изучение ольвийской хоры, проводимое ныне не только коллективами ИА АН УССР (А. В. Бураков, С. Б. Буйских, В. М. Отрешко) и Николаевского краеведческого музея (В. В. Рубан), но и подключившимся к работе периферийным отрядом ЛОИА, руководители которого Я. В. Доманский и К. К. Марченко (начальник отряда) доложили о результатах своих разведок и раскопок по обоим берегам Бугского лимана¹. На правом берегу раскопкам

¹ Тезисы выступлений С. Б. Буйских, В. М. Отрешко и В. В. Рубана были опубликованы, но сами доклады не читались.

подвергнуто двуслойное поселение Козырка-2 (13 км севернее Ольвии), где наряду с находками позднеархаической эпохи был выявлен хорошо сохранившийся строительный комплекс конца IV — первой половины III в. до н. э., давший многочисленную керамику как привозную, так и местного ольвийского производства, а также ольвийские бронзовые монеты. На левом берегу разведочная шурфовка проведена на поселении Лиманы (напротив Ольвии).

Особое место в системе поселений ольвийской хоры занимает поселение на острове Березань, основанное ранее самой Ольвии. Интересным раскопкам на западной окраине поселения, проводимым экспедицией Гос. Эрмитажа, был посвящен доклад руководителя работ *Л. В. Копейкиной*. Благодаря тому что жизнь в данной части острова протекала только в архаическую эпоху, сооружения этого времени сохранились здесь лучше, чем где бы то ни было. Стратиграфически четко выделяются два периода существования западной окраины поселения. В первый период (конец VII — первая половина VI в.) домостроительство представлено разнообразными по форме полуземлянками с относящимися к ним ямами. Около середины VI в. вся территория нивелируется, и на выровненной площади сооружаются наземные дома с сырцовыми стенами на каменном цоколе. Застройка производилась одновременно и по единому плану. Все здания ориентированы строго С-Ю и З-В; ориентирующей и группирующей осью служила довольно широкая замощенная улица, спланированная также с севера на юг. Некоторые дома выделяются монументальностью кладок. Ко второму периоду относятся также несколько ям и два колодца. В заполнении многих сооружений второго периода найдено довольно большое количество терракотовых фигурок и их фрагментов. Внушительные размеры зданий, «Гипподамова» планировка, обилие терракот привели автора к гипотезе о том, что перед нами какой-то общественный центр поселения, жизнь на котором (о чем красноречиво свидетельствует весь комплекс находок) прекратилась на рубеже VI—V вв. На западном раскопе (ближе к некрополю) застройка городского типа практически отсутствует. Здесь было раскрыто погребение (два костяка), относящиеся ко времени, предшествующему заселению острова греками.

Многочисленные доклады и сообщения были посвящены итогам исследований Херсонеса и его хоры. В докладе *И. А. Антоновой* суммированы новые данные и наблюдения о сооружении античной протейхисмы в Херсонесе и о ее датировке. До сих пор считалось, что передовая линия обороны Херсонеса возникла только в V—VI вв. н. э. Раскопки последних лет доказали, что возведение этого важного фортификационного сооружения следует относить к I — началу II в. н. э. Работы по укреплению и обновлению оборонительной системы города велись постоянно, и сооружение первоначальной протейхисмы связано с появлением в Херсонесе римских войск, роль которых в этом предприятии не стоит недооценивать. Передовая стена, сооруженная на юго-восточном и западном участках линии обороны, была укреплена рядом коэтрфорсов. Возведение ее дало возможность использовать удаленную от ворот часть перибола под некрополь, в котором выделяются известные пристенные склепы. Докладчик подчеркнул, что сооружение протейхисмы явилось для Херсонеса принципиально новым решением усиления крепости и повышения активности ее обороны.

Н. В. Пятышева познакомила слушателей с итогами раскопок экспедиции ГИМ. Участок работ располагался у южной линии обороны Херсонеса, с маружной стороны протейхисмы, у древней калитки. Из античных объектов здесь были раскрыты рустованная кладка крепостной стены III—II вв. до н. э., разрушенные могилы первых веков нашей эры и часть античной стены с прилегающей к ней монументальной лестницей I в. н. э.

Серия докладов была посвящена надгробным памятникам херсонесского некрополя, количество которых в последнее время значительно возросло, особенно после замечательных находок в башне XVII (так называемая башня Зенона). Общие вопросы реконструкции и типологической классификации херсонесских надгробий рассматривались в докладе *Б. Н. Федорова* «Специфические черты памятников некрополя Херсонеса IV—III вв. до н. э.». Автор подверг тщательному анализу разнообраз-

ный материал: стелы с рельефами и росписью, архитектурные детали надгробий, фрагменты плит с росписью, эдикулы, постаменты и проч. В результате многолетнего изучения автору удалось реконструировать графически наиболее типичные надгробия и разработать типологическую классификацию памятников в их развитии от простого к сложному. Он выделил два направления развития: скульптурно-живописное и живописное. Первая ветвь, беря начало от простейших скульптурно-антропоморфных надгробий, пошла по пути генетического слияния высокой узкой стелы с антропоморфом и породила в итоге множество типовариантов. Вторая ветвь стала развиваться по пути усложнения архитектурного облика и монументализации как надгробий в целом, так и живописной картины, доведя изображение человека в ней до натуральных размеров. Автор выделяет уникальный для Северного Причерноморья тип надгробий — так называемые монументы порталной группы дорического и ионического ордера. Из них особой оригинальностью отличается реконструированное надгробие, по своей схеме напоминающее композицию Пергамского алтаря. Типология и реконструкции надгробий позволяют, по мнению автора, в ближайшее время воссоздать облик херсонесского некрополя эллинистической эпохи.

Одна из групп погребальных памятников, а именно живописные надгробия Херсонеса, исследовалась в докладе *А. П. Чубовой*, которая подразделяет изучаемый ею материал на три категории: декоративные росписи архитектурных фрагментов, живописные надгробные стелы и монументальная живопись на больших каменных плитах эдикул и наисков. Наиболее распространенный тип надгробий — узкая высокая стела — имеет на лицевой стороне атрибуты погребенного, стандартно варьирующиеся в зависимости от его возраста и пола. На стелах взрослых воинов оружие (щит, меч) всегда изображалось в рельефе; стригиль и арибалл на надгробиях юношей-палестритов, а также тени и алабастр на надгробиях женщин изображались либо рельефно, либо живописно; атрибут же старца — посох — только живописно. Ордерные детали памятников порталной группы покрывались яркими живописными фризами с фигурами хищных и фантастических зверей и орнаментальными мотивами, причем сюжет росписи всегда чисто греческий. В монументальной живописи Херсонеса, как считает докладчик, имеется два художественных направления: одно тяготеет к графической манере исполнения, второе — сугубо живописное, с передачей светотени. По уровню профессионального мастерства *А. П. Чубова* выделяет три группы живописцев. Ремесленники низшей квалификации, специализировавшиеся на орнаментальных росписях, работали, очевидно, в мастерских камнерезов. Там же творили и более искусные мастера, исполнявшие зофорные фризы. Третью группу составляют художники высшей квалификации, произведения которых, такие, как ставшая уже знаменитой голова юноши, занимают достойное место в ряду шедевров античной живописи.

Еще более узкой, но тем не менее в высшей степени оригинальной и интересной категории материала был посвящен доклад *Л. Г. Колесниковой* «К вопросу о происхождении антропоморфных надгробий Херсонеса». Докладчик отмечает обилие среди надгробных монументов города памятников этого типа, констатируемое как по сохранившимся оригиналам, так и по особым пазам в постаментах. Автор выделяет одну деталь, ускользавшую от внимания исследователей, — остатки краски на некоторых антропоморфных изображениях, которые позволяют реконструировать женский лик в покрывале. *Л. Г. Колесникова* отмечает резкое преобладание женских изваяний среди антропоморфов (38 из 40). Для объяснения этого факта она выдвигает две гипотезы: либо это изображения *Коры-Персефоны*, имевшей непосредственное отношение к заупокойному культу, либо в этом каким-то образом отразилось особое социальное положение женщины в греческом полисе.

Слабоизученная в истории Херсонеса и его окрестностей эпоха поздней античности и раннего средневековья затрагивалась в выступлении *С. А. Беллева*. Среди памятников указанного времени автором обследованы в округе города три могильника и одно поселение. В самом городе было предпринято изучение «Базилики на холме», раскопки которой начал еще *К. К. Косцюшко-Валюжинич*. По предварительным данным, базилика, сооруженная в IV—V вв., два раза перестраивалась: в VIII и X—XIV вв.

Несколько докладов было посвящено изучению хоры Херсонеса — как близлежащей, так и удаленной от города (Северо-Западный Крым). Актуальным проблемам взаимоотношений херсонеситов и окружающих их варваров Юго-Западного Крыма в V—III вв. до н. э. посвятил свое сообщение *О. Я. Савеля*. Базируясь на собственных разведках и раскопках, автор приходит к следующим выводам. Туземные поселения отделены от эллинистических клеров незаселенным пространством и делятся на две группы: первая связана с крупными античными постройками, вторая ничем не отличается от прочих варварских поселений Юго-Западного Крыма. Структура городской хоры Херсонеса представляется автору в следующем виде: 1) земли, поделенные на клеры, 2) резервный фонд земель, общественные выгоны и т. п., 3) земли городской общины, заселенные эксплуатируемым варварским населением. *О. Я. Савеля* намечает следующую периодизацию развития контактов греков и варваров на данной территории. В конце VI—V вв. до н. э. взаимоотношения носили характер эпизодических встреч тех и других этнических элементов. Основание полиса вызвало борьбу колонистов и аборигенов за Гераклеийский полуостров. Во второй половине IV в. херсонеситы подчиняют часть местного населения и расселяют его по окраинам Гераклеийского полуострова и на прилегающих к нему землях. Большинство поселений изучаемой территории прекратило существование в III в. до н. э., и автор склонен связывать это с войнами Херсонеса против скифов.

Результаты раскопок трех поселений херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму были изложены в докладе *В. А. Латышевой*. Главный объект исследования — поселение Маслины — представляет собой крепость с башнями по углам (сохранилось три), из которых наиболее полно исследована южная. Башня, сложенная из рустованных блоков, имела с юго-запада хорошо укрепленный вход, а внутри — лестницу, ведущую на второй этаж. Одно из помещений башни определяется как культовое: здесь найдено несколько терракот, серебряная пластинка с изображением Деметры, глиняная модель зерна, большое количество охры. За башней находился мощный двор с окружающими его помещениями, примыкавшими вплотную к оборонительной стене. Помещения, как показывает найденный в них инвентарь, имели хозяйственное назначение. Возникает поселение Маслины, по мнению автора, не ранее конца IV — начала III в. до н. э. и гибнет в конце II — начале I в. до н. э. в результате военного нападения. Два других поселения — Гроты и Скалистое — дали массовый керамический материал конца IV—III вв. до н. э.

В. И. Кац сделал сообщение о керамических клеймах с другого интереснейшего комплекса Северо-Западного Крыма — Панское-1. На этом поселении *А. Н. Щегловым* в течение ряда лет исследуется комплекс усадеб IV—III вв. до н. э., расположенных одна возле другой, а также прилежащий некрополь². Указанный керамический материал происходит с одной из таких усадеб — № 6, раскрытой в настоящее время полностью. Распределение амфорных клейм по центрам дает, как обычно в этом районе, резкое преобладание херсонесской тары. Среди других центров особое внимание привлекает склеенная из черепков почти целая амфора с клеймом г. Амастрии. Тщательная фиксация места находки каждого раскапываемого предмета позволила выделить шесть амфорных хранилищ — все они располагались на втором этаже, рухнувшим при пожаре усадьбы, который возник в результате военной катастрофы.

В докладе *А. В. Шевченко* «Лепные терракоты Херсонеса» рассматривалась одна категория находок — терракотовые статуэтки, выделанные не в форме, а от руки. Докладчик выделил три типа терракот по их размерам, а также перечислил и проиллюстрировал разнообразные, в основном мифологические сюжеты фигурок. В своем выступлении по докладу *М. М. Кобылина* выразила несогласие с определением «лепные терракоты», а также отметила, что размеры — недостаточный критерий для классификации.

Значительное место в работе конференции было уделено археологии Боспорского царства.

² Тезисы доклада *А. Н. Щеглова* опубликованы, но сам доклад не читался.

В своем выступлении *Н. Л. Грач* познакомила слушателей с результатами двухгодичных (1973—1974 гг.) раскопок некрополя одного из боспорских городов — Нимфея. В поле исследования попали в основном катакомбы I—III вв. н. э., вырубленные в скале, которые служили семейными усыпальницами местной знати. Из 25 открытых склепов каждый отличается от другого размерами и архитектурным оформлением. В катакомбах находилось по несколько погребений взрослых людей, причем мужские погребения сопровождалось, как правило, оружием, оселками, посудой, а женские — украшениями, терракотами, сосудами для благовоний и т. п. Полной неожиданностью явилось повторное открытие знаменитой катакомбы с рельефами на стенах (изображения Афины, Пана и Силена). Гробница была раскопана в 1899 г. и вторично вскрыта для М. И. Ростовцева. Новое изучение памятника позволило уточнить дату его сооружения и открыть ряд деталей, ускользнувших от внимания прежних исследователей. В частности, обнаружен не замеченный ранее рисунок, процарапанный на стене рядом с одним из рельефов: изображение мужского бюста, перед которым сохранилась надпись *καὶ σβ.* По мнению автора работ, текст в оригинальной сокращенной форме передает известный по боспорским эпитафиям диалог между усопшим и прохожим: «Прощай (такой-то, умерший)! — Прощай и ты (прохожий)!» Вблизи катакомб открыто до полусотни грунтовых могил рядовых жителей Нимфея и захоронения копей. Кроме того, обнаружено погребение начала V в. до н. э. с чернофигурным лекифом и стрелой, пронзившей грудь покойного, а также ряд кремаций эллинистического времени в амфорах.

В докладе *Е. Г. Кастанаян* нашли отражение основные итоги многолетних работ в другом малом городе Боспора — Порфмии, основанном во второй половине VI в. до н. э. — важном географическом и стратегическом пункте — на месте переправы (существующей и поныне) через Керченский пролив (отсюда и топоним *Πορφύριον* — «переправа»). Во второй половине III в. до н. э. город был заново отстроен по «Гипподамовой» системе со строгой ориентацией кварталов по сторонам света. Один из таких кварталов — северо-западный — был раскопан экспедицией целиком. Он состоял из пяти домов, выстроенных в один ряд. Дома имели разное количество комнат (от одной до трех) и состояли из жилых и хозяйственных помещений. Дворы вымощены плитами. Открыты три улицы, ограничивавшие квартал; они также имели каменные мостовые, перекрытые черепичными, и тротуар. Дома примыкали вплотную к оборонительной стене, в которой открыта вылазная калитка и угловая башня. Техника каменного строительства, единая архитектурная планировка, внутреннее устройство и оборудование домов — все это говорит о высоком уровне коммунального хозяйства Боспора эллинистической эпохи.

Охранным раскопкам на некрополе Мирмекия было посвящено информационное сообщение *Н. В. Молевой*. Автором открыто восемь грунтовых погребений с каменными перекрытиями; все они датируются второй половиной I — началом II в. н. э. Найден обильный и разнообразный инвентарь: глиняные и стеклянные сосуды, бусы, бронзовые и золотые украшения, железные орудия и т. д.

Д. С. Кириллин доложил о результатах охранных работ в Тиритаке — боспорском городе, изучению которого многие годы посвятил видный исследователь Боспора В. Ф. Гайдукевич. Нынешние раскопки продолжили раскрытие оборонительных стен V—III вв. до н. э. Кроме того, был заложен новый раскоп в северо-западной части городища, давший вещественный материал с конца VI в. до н. э. по IV в. н. э. Лучшее всего сохранились жилые и хозяйственные комплексы римского времени. Из находок выделяется железный ладьевидный светильник.

М. М. Кобылина сообщила об основных итогах шестилетних (1969—1974 гг.) раскопок центральной части одного из крупнейших городов Азиатского Боспора — Фанагории. Здесь исследовались слои и сооружения VI—IV вв. до н. э., из которых выделяется монументальное здание в антах, предположительно определяемое автором как храм. В эллинистический период на этом месте было построено другое монументальное сооружение, от которого дошли детали ордера (барaban колонны, карниз). Некоторые находки эллинистического времени имеют непосредственное отношение к куль-

ту женского божества. Из прочего материала выделяется золотой статер Лисимаха. Экспедицией обнаружен ряд эпиграфических памятников, в основном обломки надписей на мраморе и известняке.

Результатам десятилетних работ на античных памятниках Северо-Восточного Причерноморья был посвящен доклад *Н. А. Онайко*. За этот период экспедиций ИА АН СССР под руководством автора доклада был обследован и раскопан целый ряд самых разнообразных поселений в окрестностях Новороссийска (древние Баты) и Геленджика. Особое место в докладе было уделено раскопкам уникального архаического комплекса на Тонком мысу в Геленджикской бухте. За четыре полевых сезона полностью открыто большое каменное здание (площадью около 1500 м²), построенное не позже середины VI в. до н. э. Здание имело большой внутренний двор, по четырем сторонам которого (сохранилось только две) были расположены помещения жилого и хозяйственного назначения. При раскопках обнаружены остатки металлургического производства. В начале V в. до н. э. здание погибло в результате военной катастрофы. *Н. А. Онайко* предполагает, что остальные здания были разрушены в результате поднятия уровня Черного моря и береговой абразии. Докладчик склонен отождествлять поселение с греческим городом Ториком, первое упоминание о котором мы находим у автора IV в. до н. э. Псевдо-Скилака. Комплекс на Тонком мысу, несомненно, уникальное сооружение для Северного Причерноморья архаической эпохи.

Целая серия докладов была прочитана армянскими археологами. На пленарном заседании акад. АН АрмССР *Б. Н. Аракелян* сделал обобщающий доклад об основных итогах изучения древнеармянской столицы — Арташата. Изучению конкретных объектов этого замечательного памятника были посвящены сообщения *А. Г. Канецян* «Архитектура I холма Арташата», *Ж. Д. Хачатрян* «Раскопки VII холма Арташата», *Ф. И. Тер-Мартиросова* «Античные печи Арташата». О результатах работ в другом городе древней Армении — Армавире — было доложено *Г. А. Тирицян*ом.

Кроме выступлений, носивших характер отчетов о полевых и камеральных исследованиях археологических памятников, на конференции была представлена, хотя и не столь широко, тематика иного рода, а именно лингвистические и эпиграфические исследования, а также изыскания теоретического направления.

В докладе *Э. И. Соломоник* нашла дальнейшую разработку проблема происхождения этнонима *Ταῦρος* и производного от него топонима *Ταυρικῆ*. Автором были критически разобраны прежние попытки этимологизации (*М. И. Ростовцев*, *О. Группе*, *И. И. Толстой*). Привлекая целый ряд свидетельств древних авторов, *Э. И. Соломоник* считает возможным сопоставить этноним «тавр» с оронимом «Тавр» — названием горной цепи в Малой Азии, происходящим от *tur* (=гора) древневосточных языков; оно было переозвучено на греческой почве в *Ταῦρος* и перенесено на другие горные массивы, в том числе и в Крым. По мнению докладчика, выдвигаемая гипотеза имеет перед прочими ряд преимуществ.

Выступив по докладу, *А. А. Белецкий* согласился с основной идеей *Э. И. Соломоник* и привел в ее поддержку ряд параллелей из семитических языков (финикийского и др.), где название *tauros* было связано с горами.

А. А. Белецкий посвятил свой доклад рассмотрению трех неопубликованных памятников эпиграфики, один из которых найден в Ольвии, второй в Пантиккапее, а третий — неизвестного происхождения. Ольвийский документ представляет собой эпиграмму из двух элегических дистихов в четыре строки и датируется автором по палеографическим признакам концом V — началом IV в. до н. э. В переводе автора надпись гласит, что некий Гевресий, сын Спириса, увеличил и почтил отцовский участок, посвященный Зевсу Элевтерию. По мнению докладчика, документ представляет собой нечто среднее между строительной надписью и декретом. Второй эпиграфический памятник — надгробная эпитафия, датируемая 227/228 г. н. э. Из ее текста следует, что надгробие изготовлено еще при жизни тремя лицами: Каллиотером, сыном Басилейда, Симфором, сыном Филетера, и Мироменой, дочерью Каллиотера. Третий памятник — стела с изображением заупокойной трапезы — обнаружена в Киеве. Надпись на ней

читается так: «Полла, Априлия, Лаис. Р. А.». Датировка надписи, равно как и установление ее подлинности, затруднительны.

Информационное сообщение *Ю. Г. Виноградова* было посвящено эпиграфическим памятникам, открытым за последние годы в Ольвии, над которыми работает автор. Из их числа выделяются следующие. Декрет третьей четверти V в. до н. э. о предоставлении двум братьям, по всей видимости синопейцам, прав гражданства и беспоплиности. Документ интересен прежде всего тем, что в нем впервые для Ольвии в числе даруемых привилегий упомянуто право приобретения земли (ἐγκτήσις γῆς). На другом памятнике — высокой беломраморной стеле, сохранившейся от акротерия до шипа, — дошло 55 строк почетного декрета; к глубокому сожалению, середина плиты вытерта, так что буквы сохранились лишь по краям. Новонайденная псефизма — важнейший источник по истории Ольвии второй половины III в. до н. э. и, безусловно, самый интересный после знаменитого Протогеновского декрета. Документ издан в честь ольвиополита по имени Антестерий, исполнившего должность члена коллегии Семи (οἱ ἑπτά), который в тяжелое для города время совершил много полезных благодеяний. Надпись впервые в ольвийской эпиграфике повествует о хлебных раздачах — ситометрии, о наличии в городе своего военного флота, о неизвестном до сих пор сооружении — здании коллегии Семи (τὸ ἑπτάδαιον).¹ Ценные сведения дает она и о политической истории Ольвии этого времени: в ней идет речь, по всей видимости, о войне, о социальных волнениях среди граждан, преступавших законы. Из других эпиграфических находок большой интерес представляет свинцовая пластинка с частным письмом второй половины VI в. до н. э., т. е. синхронным обнаруженному автором ранее письму Ахиллодора с Березани. Оно имеет адрес: «Апатурий Леонакту» — и содержит важные для изучения экономики архаической Ольвии многократные упоминания денежных сумм (τὰ χρήματα, στατήρες).

Доклад *И. Б. Брашинского* затронул актуальные вопросы методики изучения стандартных емкостей греческой амфорной тары. По мнению автора, греческая амфора была стандартным сосудом, основные параметры которого декретировались государственной властью, поэтому важно установление той системы мер, в лилейных единицах которой эти размеры задавались. Докладчик выделяет несколько оптимальных размеров амфор. Он отмечает, что для некоторых сосудов пифоидного типа применима формула Герона для вычисления объема пифоса. Наряду с теоретическим вычислением стандартных емкостей амфор по линейным параметрам необходимо проводить и фактическое измерение объема целых сосудов жидкостью или сыпучими телами с последующим сопоставлением результатов, полученных с помощью той и другой методики. Сам автор подверг метрологическому изучению огромный материал — свыше 600 целых сосудов, что позволило ему прийти к выводам о корреляционной зависимости между стандартами амфор, их типами и клеймами, а также проследить хронологическую эволюцию стандартизации. Автор подчеркивает, что учет стандартности амфорной тары позволит нарисовать новую, более точную картину античной виноторговли, существенно отличающуюся от сложившихся в науке представлений.

С. В. Семчинский информировал участников конференции о попытке, предпринятой румынским археологом Виорикой Михай, дешифровать некоторые памятники дофракийской письменности. Информацию об этой работе поместил на своих страницах популярный румынский журнал. Объектом дешифровки явился орнамент на сосудах культуры бронзового века Гырла-Маре. В. Михай сопоставила дешифрованную ею письменность с некоторыми языками Балканского полуострова и Малой Азии, а также попутно дешифровала — по сообщению журнала — некоторые загадочные памятники письменности, среди которых знаменитый Фестский диск.

В заключение следует отметить, что конференция прошла на высоком научном уровне, заслушанные на ней доклады и сообщения внесут несомненный вклад в изучение проблем истории и археологии Северного Причерноморья античной эпохи.

Ю. Г. Виноградов